

Неккер получает отставку и отправляется в ссылку, 12-го Париж узнает об этом. Устраивается процессия, которая шествует по главным улицам, неся бюст изгнанного министра. В Пале-Рояле Камилл Демулен призывает к оружию. Предместья поднимаются и в 36 часов выковыывают 50 тыс. пик; 14-го народ двигается на Бастилию, которая скоро спускает свои висячие мосты и сдается. Революция одержала свою первую победу.

Таков рассказ о 14 июля, который обыкновенно повторяют на официальных празднествах Французской Республики. Но он верен только наполовину. Как сухое изложение фактов он не содержит неточностей; но он не передает того, что следует сказать о роли народа в восстании и об истинных отношениях между обеими силами движения: народом и буржуазией. А между тем в парижском восстании, разрешившемся взятием Бастилии, как и во всей революции, существовало уже два течения различного происхождения: политическое движение буржуазии и движение народное. В некоторые моменты - в великие дни революции - оба эти течения временно сливались и одерживали над старым строем крупные победы. Но буржуазия всегда относилась с недоверием к своему временному союзнику - народу. Так было и в июле 1789 г. Союз был заключен буржуазией поневоле, и на другой же день после 14 июля и даже во время самого движения она уже спешила организовать, чтобы быть в силах обуздать восставший народ.

Со времени дела Ревельона парижский народ, голодавший и видевший, как нужда растет и как его усыпляют пустыми обещаниями, все время готов был подняться. Но, не чувствуя поддержки со стороны буржуазии, даже со стороны тех, кто выдвинулся своими нападениями на королевскую власть, он только грыз свои удила. Но вот придворная партия, сплотившись вокруг королевы и принцев, решает одним ударом покончить с Собранием и усмирить народное брожение в Париже. Они собирают войска, стараются возбудить в них чувство привязанности к королю и королеве и открыто готовят разгон Собрания и военное усмирение Парижа. Тогда Собрание, почувствовав опасность, предоставляет свободу действия тем из его членов и его сторонников в Париже, которые предлагают «обращение к народу», т. е. призыв к народному восстанию. А так как народ в предместьях того и ждет, то он немедленно откликается на призыв. Он начинает бунтоваться еще раньше отставки Неккера, т. е. уже с 8 июля и даже с 27 июня. Этим пользуется буржуазия. Она толкает народ к открытому восстанию, она предоставляет ему вооружаться, а вместе с тем вооружается и сама, чтобы задерживать народные волны и помешать им зайти «слишком далеко». Но народная волна, подымаясь все выше и выше, овладевает, вопреки желаниям буржуазии, Бастилией, эмблемой и опорой королевской власти; и тогда буржуазия, организовавшая тем временем свою собственную милицию, спешит укротить «людей, вооруженных пиками», т. е. народ. Это двойное движение я и постараюсь изложить.

Мы видели, что целью королевского заседания 23 июня было показать Генеральным штатам, что они вовсе не та сила, какой они себя считают, что королевская власть существует по-прежнему, что Генеральные штаты не могут ничего изменить в ее правах и что привилегированные сословия - дворянство и духовенство - сами определяют, какие они расположены сделать уступки в видах более справедливого распределения налогов¹. Благодеяния, которые будут оказаны народу, *будут оказаны самим королем* и будут состоять в следующем: отмена натуральных повинностей (уже в некоторой степени отмененных), права «мертвой руки» и феодального, т. е. крепостного, подданства; ограничение права охоты; замена жребия при вербовке в войска правильным рекрутским набором; уничтожение слова *подушные* и организация земского самоуправления. Все это должно было, кроме того, оставаться в форме одних обещаний или даже простых заголовков реформ, потому что содержание этих реформ, сущность этих изменений предстояло определить впоследствии, а сделать это, очевидно, было невозможно, не нарушая привилегий двух высших сословий.

Но самым важным пунктом королевской речи, так как он оказался центральным пунктом всей революции, было заявление короля относительно *неприкосновенности феодальных прав*. Он объявлял *абсолютно и навеки ненарушимой собственностью* десятину, чинш, ренту и все помещичьи и церковные феодальные права!

Таковыми обещаниями король, конечно, склонял на свою сторону дворянство и вооружал его против третьего сословия. Но давать такие обещания значило заранее ограничить революцию и сделать ее неспособной произвести какие бы то ни было существенные реформы в государственных финансах

¹ Первоначальный проект Неккера оставлял за Собранием право довести революцию до составления хартии наподобие английской, говорит Луи Блан; но «из предметов прений он поспешил исключить вопрос о *форме институции, на основании которой соберутся следующие Генеральные штаты*».